

Иван Билярски

ОТ МИФА К ИСТОРИИ или ОТ СТЕПИ К ИЗРАИЛЮ*

В статье рассматриваются концепции времени и истории в болгарском средневековом обществе, языческом и потом христианском, на основе Именника болгарских князей (ханов). Этот текст дошел до нас в поздних русских списках, находящихся в составе Еллинского и Римского летописца, где следует непосредственно за библейской Четвертой книгой Царств. Таким образом новокрещенные болгары приобщаются к библейской истории Человечества, смысл которой — Спасение людей.

В средневековой истории Болгарии можно выделить два периода, в каждый из которых основные черты общества и государства существенно отличаются, что определялось различиями в культурных и цивилизационных моделях. Речь идет о языческом периоде болгарской истории, охватывающем почти два столетия после установления власти хана Аспаруха на Балканах к югу от Дуная, и о периоде после Крещения (после 864 г.). Несмотря на столь важную перемену, происшедшую при хане Борисе I, в Болгарии не произошло резкого прерывания государственной традиции: сохранилась не только династия, но и сама государственная структура, которая просуществовала еще примерно полтора столетия вплоть до завоевания страны византийским императором Василием II Болгаробойцей. Однако несмотря на сохранение прежней государственности новое болгарское общество начинает осознавать себя как христианское. Это общество имеет иные цели и идеалы, от которых зависит построение новой политической и государственной доктрины, окончательно прерывающей связь с традициями евразийской степи и идентифицирующей себя с православным государством »византийского« типа. Таким образом, болгарское общество, по сути дела, уходит не только от языческой религии, но и от своей этнической сущности. Формируется славянская

* Я хотел бы поблагодарить Александре Димитровой и Вере Ченцовой за оказанную мне помощь.

народность, которая не имеет почти ничего общего с тюркоязычным степным народом, положившим начало государственной жизни и определявшим ее основные черты в первые столетия болгарской истории. От этого народа сохранился лишь этноним »болгары«.

Новая христианская и славянская идентичность потребовала выработки и нового понимания истории. С одной стороны, это новое понимание было связано с восприятием христианского линейного (или исторического) понимания времени, а с другой — оно шло по пути поиска способов включения новокрещенного народа в историю Спасения. Здесь я хотел бы представить некоторые наблюдения, относящиеся к восприятию времени и истории в меняющейся культурной и социальной среде болгарского общества, связанной с переходом от языческой религии протоболгар к православному христианству.

* * *

Конкретная задача, которая ставится в настоящем исследовании, состоит в прослеживании некоторых характерных проявлений концепции времени и истории у протоболгар и трансформации этих представлений в христианскую эпоху. Исчерпывающее исследование этой темы кажется непосильным в узких рамках статьи, что послужило причиной ограничения ее рассмотрением некоторых данных, содержащихся в »Именнике болгарских князей«, и определением того места, которое он занимает в сохранившихся списках. Следует напомнить давно известный факт, что интересующий нас текст дошел до нас только в поздних русских списках: в составе т. н. »Эллинского летописца« — сложного компилятивного летописного произведения, происходящего из южнославянской, условно говоря, »болгарской« среды.¹ Прежде всего хотелось бы обратить внимание именно на этот контекст, который, несомненно, вызывает особый интерес к этому памятнику. Но пока приходится с сожалением констатировать, что, по не зависящим обстоятельствам, мне не была доступна ни одна из рукописей »Эллинского летописца«, хотя, как представляется, именно доступ к сохранившимся рукописным спискам, возможно, позволил бы дать совершенно новое освещение поставленной проблемы.

Итак, »Именник болгарских князей« сохранился в трех списках:

— Уваровский № 1334 (10). В настоящее время хранится в отделе рукописей ГИМ в Москве. Рукопись написана на 432 листах, полууставом конца XV века. Большая часть ее включает »Эллинский летописец« (лл. 1–422), после чего следуют статьи, выписанные из Новгородской IV летописи.²

¹ А. Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. II, г. 1, с. 19; *Архимандрит Леонид*, »Древняя рукопись«, Русский архив, 1889, 4 (апрель), с. 3 сл.

² *Архимандрит Леонид*, Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, часть третья, Москва, 1894, с. 25–26, № 1334 (10); М. Н. Тихомиров, »Именник болгарских князей«, Вестник древней истории, 3, 1946, с. 83.

— Список Синодального собрания № 280. Большой сборник, в лист, на 728 листах, написанный полууставом начала XVI века. Начало отсутствует, а имеющийся текст начинается с *»князи рустии«* и сказания папы Ипполита Римского об Антихристе. *»Эллинский летописец«* занимает основную часть сборника (л. 4–407). Интересно, что вслед за *»Эллинским летописцем«* здесь помещен перечень израильских и ромейских царей. После этого перечня в текст включены списки зависимых от Вселенской патриархии церковных кафедр (л. 411). За ними в рукописи следуют тексты других сочинений: Краткий летописец (до 1473 г.), послание патриарха Филофея (л. 426) и правила митрополита Кирилла (л. 428). Во второй части сборника содержится текст Новгородской IV летописи.³ Очевидно, сам сборник возник в самом конце XV века, после 1496 г., что подтверждается как текстом статей о русских князьях, так и Кратким летописцем.

— Список Погодинского собрания № 1437 (хранится в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга). Написан полууставом XVI века, на 240 листах.⁴ По словам А. Попова, этот список вполне идентичен Синодальному, однако, он доводит повествование только до смерти императора Максимиана.⁵

Здесь я не буду подробно разбирать вопрос о том, как, когда и на каком материале был первоначально составлен *»Именник болгарских князей«*. Можно, как представляется, согласиться с утверждением В. Н. Златарского, что первоначальный вариант этого памятника был написан на греческом языке на камне и представлял собой эпиграфическую надпись.⁶ Трудно ответить и на вопрос о том, когда и каким образом *»Именник«* был включен в состав *»Эллинского летописца«*, однако, можно с полной уверенностью утверждать, что он появился на Руси уже в виде книжного памятника. Вероятно, перевод с греческого и изготовление протографа русской летописи были сделаны в Болгарии и, как указывают некоторые авторы, в преславском книжном центре царя Симеона I.⁷ Само составление всемирной хроники, как и включение в нее определенных текстов и событий имеет важнейшее идеологическое значение и является показателем определенного отношения к внешнему миру и к его истории. Поэтому наши усилия будут направлены на освещение, по возможности, вопроса о месте *»болгарских князей«* во всемирной истории, в истории созданного Богом мира.

В. М. Истрин первым дал интересное объяснение заглавия интересующего нас летописца, которое гласит: *»Летописец Эллинский и Римский. Сия книги списанны не из единех книг, но от различных, истинных, великих, по*

³ А. Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, Москва, 1866, с. 1; Тихомиров, *»Именник болгарских князей«*, с. 83. Тихомиров, по сравнению с Поповым, подчеркивает наличие различий.

⁴ Тихомиров, *»Именник болгарских князей«*, с. 83.

⁵ Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, с. 1 сл.

⁶ См.: В. Н. Златарски, *»Болгарское летоисчисление«*, Известия отдела русского языка и словесности Академии наук, 1912, т. XVII, кн. 2, с. 28 сл.

⁷ Архимандрит Леонид, *»Древняя рукопись«*, Русский архив, 1889, 4 (апрель), с. 3–6.

исправлению многу. Моисеева истинная сказания. и от четырех царствии и от пророчества георгиева по истине изложена. и от ездры и от истории и от азмат азматских (=Песнь песней — И. Б.) и от патаукиха (= πεντάτευχος, — И. Б.) и еще же от иоаннова гранографа и антиохийскаго иже вся эллинския акы бляди и сплетения словесь и капиць идольския требы приносимья имы откуду и како беаше. сия книги писанны бытийския от тетровасилья».⁸ Речь идет о следующих книгах: 1. Из Пятикнижия Моисеева и других ветхозаветных книг; 2. Из хроники Георгия Амартола; 3. Выписки из книги Ездры и других; 4. Из Иоанна Антиохийского (Малалы).⁹ Все исследователи указывают, что «Именник» находится непосредственно за текстом IV Книги царств. К сожалению, я не располагаю детальным описанием рукописи Уваровского списка, однако А. Попов подробно описывает Синодальный список, подтверждая, что Погодинский в этой части ему полностью идентичен.¹⁰ Кроме того, никаких отличий до сих пор не было отмечено также в отношении списка из собрания графа Уварова. Напротив, все авторы говорили об их полном сходстве, что дает основания исходить в данном случае из предположения и об идентичности контекста, в который включен интересующий нас памятник.

Итак, какие же тексты вошли в состав рукописи Синодального собрания? Здесь мне придется ограничиться только представлением конкретного контекста «Именника». Поэтому начну не с начала сборника, а приведу лишь часть описания, сделанного А. Поповым:¹¹

— л. 17r : о Моисеи пророце.

о Фараоне егда пусти сны израилеви

— л. 18r : О Руфии

— л. 19r : О Самуиле пророце. В этом разделе вкратце рассказывается о царе Сауле, о царе Давиде и о царе Соломоне, причем повествование начинается со следующих слов: *«Самоилъ же по повелению Господню помаза имъ Саола на царство, сына Кисова ...»*.

— лл. 19v–35v : С Ровоама начинаются выписанные целиком отрывки из III Книги царств (с главы XII до конца книги).

— лл. 36r–67r : *«Царство Д василии»*. Здесь приведена целиком IV Книга царств. В своем описании А. Попов делает решительный вывод о древности славянского языка библейской книги, приводя соответствующие примеры.¹²

— л. 68r : «Именник болгарских князей».

— л. 69r : отрывок из хроники Георгия Амартола о Навуходносоре.

⁸ Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, с. 3–4.

⁹ В. М. Истрин, «К вопросу о взаимоотношении Эллинских летописцев и Архивского (Иудейского) хронографа», Изв. Отд. русского языка и словесности Академии наук, 1911, т. XVI, кн. 4, с. 141–150.

¹⁰ Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, с. 1.

¹¹ Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, с. с. 21 сл.

¹² Попов, Обзор хронографов русской редакции, т. I, с. 25.

— л. 70v : рассказ о Валтасаре.

Этот контекст »Именника болгарских князей« весьма красноречив. Несомненно, составитель следовал библейскому изложению истории об установлении царства у народа Израилева: в сборник вошли повествование о деяниях пророка Самуила и перечисление царей, причем IV Книга царств приведена целиком. Непосредственно за ней в текст включен список имен болгарских ханов (князей), начиная с мифического Авитохоло. После этого списка приведен рассказ о Навуходоносоре и о конце царств народа Израилева. Оказывается, впрочем, что эти царства »завершаются« болгарскими князьями. Хотелось бы особо отметить, что »Именник болгарских князей« не образует самостоятельную часть внутри »Эллинского летописца«, и, — не являясь частью хроники Георгия Амартола, — он, очевидно, бывает воспринимаем как элемент предыдущего библейского текста.

Какие же выводы можно сделать на основании этих наблюдений? *Во-первых*, »Именник болгарских князей« входит в состав текста какой-то всемирной хроники, использованной как образец при составлении в конце XV века на Руси »Эллинского и римского летописца«. *Во-вторых*, эта хроника была написана в Болгарии в X веке, в окружении царя Симеона I. *В-третьих*, »Именник болгарских князей« был включен в упомянутую хронику в качестве составной ее части и как окончание приведенной целиком IV Книги царств, вследствие чего болгарские владетели оказались в ряду царей народа Израилева.

Вне сомнения, все это является выражением определенного отношения к всемирной истории и к месту в ней болгар. В последующем своем изложении я сделаю попытку разъяснить свой тезис о том, что понимается под этим отношением. Чтобы покончить с предварительными наблюдениями, вернусь к первоначальной теме настоящего исследования, а именно, к концепции истории как концепции времени и мира. Эти концепции у язычников и христиан не только различны, но и полностью противоположны. Поэтому одновременное присутствие этих противоположных концепций в самом тексте »Именника« и в том контексте, в котором он дошел до нас, дает нам прекрасную возможность проследить те пути, по которым язычники-протоболгары восходили к осознанию самих себя как христианского народа и Нового Израиля, а также выяснить, каким образом протоболгары приобщаются к постижению христианского времени и истории.

* * *

Связь понимания времени с религией — т.е. с ценностями, которые определяют облик определенного человеческого общества — не подлежит никакому сомнению. Календарь — это фактор религиозной культуры, который обеспечивает прорыв священного в профанное и, таким образом, задает ритм жизни как человека, так и общности, обеспечивая одновременно и их смысл и, в

некотором отношении, их реальность, действительность. Надо обратиться вновь к вопросу о времени и о его понимании, которое можно определить как культурно-религиозный феномен, поскольку и сам процесс достижения определенной общностью самоидентификации нельзя рассматривать вне религии. Здесь вряд ли необходимо останавливаться подробно и обсуждать две концепции времени, которые, в общем, можно свести к определению времени либо как циклического (мифологического), либо как линейного (исторического).¹³ Видимо, выделять их в чистом виде можно только путем умозрительной абстракции, и их совместное существование как на протяжении отдельных эпох, так и в сознании отдельных людей несомненно. В данном случае следует обратить внимание на проблему религиозной сущности как циклического (это бесспорно!), так и исторического, линейного времени.¹⁴ В связи с этим хотелось бы вкратце остановиться на вопросе о различии священного и профанного времени, что особенно характерно для мифологического мышления.

Как известно, мифологическое сознание связано с осмыслением мира при помощи текста, рассказа, *мифа*, который сообщает нам об организации космоса, его «реализации», «осуществлении», появлении в некоем первоначальном времени. Это первоначальное время и случившееся в нем событие непрерывно повторяется для того, чтобы поддерживать «реальность» мира, его гармонию. Это, в общем, и есть победа космоса, победа порядка над хаосом, осуществленная одним богом или культурным героем и дающая начало мира и времени. Как уже было сказано, этот текст или миф повторяется циклически, он проигрывается через определенные периоды времени, таким образом, чтобы поддерживать гармонию мира, непрерывно преодолевая хаос. В этом смысле каждый ритуал — всегда одно и то же священное событие, случившееся в то же самое первоначальное священное время, прорвавшееся в профанное время профанного мира. При линейном времени в чистом его виде такая повторяемость отсутствует, что, однако, не означает отсутствия прорыва священного в профанное или отсутствия понятия священного времени. Напротив, здесь я попробую доказать, что сама история священна.

Вне сомнения, исторически линейное время связывается с иудейской религией, через которую оно переходит в христианство. Действительно, невозможно искать в иудейской религии или в христианстве священное время, представляющее осуществление мифического текста в рамках мифического сознания. Священное в них осуществляется в рамках самих причинно-следственных связей линейного времени. В этом смысле сама история священна, что становится очевидным при чтении Священного Писания. История еврейского народа — это история Завета, заключенного между ним и Господом. У избранного Божьего народа нет другой истории кроме истории Завета, его

¹³ Б. А. Успенский, «История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема)», ID., Избранные труды, т. 1, Москва, 1996, с. 9–70

¹⁴ В этом смысле я не могу согласиться с утверждением об определенно нерелигиозном характере линейного времени.

заклучения, соблюдения или нарушения в действиях, из-за которых можно получить благодать и защиту или же подвергнуться наказанию. Кроме этой священной истории у евреев нет никакой другой. Гармония мира у них не зависит от повторения или осуществления какого-то предвечного мифа. Даже сам Завет не предвечен, и его заключение можно точно определить во времени, используя разные календарные системы или в связи с определенными событиями всемирной истории. Таким образом, оказывается, что история евреев — это их священная история, а книги Ветхого Завета рассматриваются и как история еврейского народа, и как история Завета, заключенного между ним и Богом.

Подобная концепция близка и христианству, происходящему из иудейской религии. Здесь нужно упомянуть, что празднование Пасхи, Рождества и других христианских или иудейских праздников — это только чествование, отмечание определенных дат, но не осуществление какого-то предвечного события. Особо следует подчеркнуть, что и Исход из Египта, и обретение Земли Обетованной, и вавилонский плен, и Рождение Спасителя, и Его Воскресение — это неповторимые исторические события, несмотря на то, что случились они с участием Божьей десницы. Для христиан история мира воплощает историю Спасения, совершавшегося в мире и во времени. В этом Спасении смысл истории¹⁵ и основа каждого христианского изложения всемирной истории.

Здесь хотелось бы сравнить историю с зеркалом, в котором данная общность рассматривает себя, пытаясь установить или поддержать свое самоосознание. Именно в ее осмыслении или изложении оба взгляда на время приведут нас к совершенно разным результатам. Мифологическому сознанию следовало бы отвергнуть идею о причинно-следственных связях в ходе событий и создать цельный, завершенный, гармоничный мир, в котором события проявляются с периодическим повторением некоего предвечного текста. В нем нельзя искать разницу между мифом и действительностью, поскольку она не существовала. Каждое событие будет действительным только если оно принадлежит мифу, а миф будет присутствовать в каждом из изложенных событий. Таким образом, «история» принимает форму эпоса, в котором каждая битва — космическое сражение, каждое сотворение — Сотворение мира, каждый родоначальник — Родоначальник и Творец. Это дает возможность обособить изложение истории рамками более узкой общности, которая сможет идентифицироваться с понятием «гармонии» и изолировать себя от окружающего хаоса, причем эта общность всегда «родовая», всегда связанная с этносом, родом и родоначальником.

С другой стороны, христианская история — это история Спасения, Нового Завета. Смысл этой истории — в будущем, в исполнении этого Завета, что связывается с повторным приходом Спасителя в мир, с концом света и Страшным судом над человечеством. Таким образом, Новый Завет продолжает Ветхий, который также является неотделимой частью христианской истории. В

¹⁵ Н. Бердяев, Смысл истории, Обелиск, Берлин, 1923.

этом смысле ее начало совпадает с историей еврейского народа, а время от Воплощения Спасителя и далее оказывается рядом событий, относящихся к пути к Спасению и не имеющих никаких этнических характеристик. Поэтому народ, который идентифицируется через понимание времени в христианской истории, видит себя в ней не просто как этнос, но как народ Нового Завета, новый Избранный народ, Новый Израиль.

* * *

Этот процесс имеет свои особые черты у народов, принадлежавших к Восточному Христианству, поскольку в их представлениях происходит отождествление Избранного народа и народа Империи — ромеев. Очевидно, что основные события христианской истории в течение последних 2000 лет были связаны с Римом и империей. Именно в ее границах в правление Октавиана Августа рождается Спаситель — факт, который специально подчеркивается в исторических и в чисто церковных текстах. Поэтому языческая Римская империя и ее император освящены Его присутствием.¹⁶ Империя может оказываться и гонительницей христиан, но именно в ее недрах развивается и побеждает их учение и их вера. Торжество христианства во времена св. царя Константина Великого представляется нам торжеством христианства во всем мире. Таким образом, империя превращается в ту священную структуру, в которой развивается история Спасения, и в которой обитает Новый Израиль. Священная Империя отражает священный Божий порядок на Земле¹⁷ и в этом смысле охватывает весь истинный христианский мир, всю ойкумену.

Несомненно, болгары находятся (во всяком случае начиная с IX века) в культурной среде Восточного Христианства, под сильным влиянием Константинополя. В настоящем исследовании я попытаюсь проследить, как переход болгарского общества от язычества к Христианству влияет на его восприятие времени и истории. Иными словами, будет затронут вопрос о том, как варварский народ превращается в часть народа Нового Завета, в Нового Израиля.

Протоболгары переходят Дунай и останавливаются в Мизии, не прерывая своих уже сформировавшихся традиций не только в своей протогосударственной организации, но и в области религии, культа и связанного с ними календаря. Этот календарь уже был объектом множества исследований,¹⁸ и я здесь остановлюсь

¹⁶ Б. А. Успенский, «Восприятие истории в Древней Руси и доктрина 'Москва — Третий Рим'», ИД., Избранные труды, т. I, с. 96 (см. и примеч. 39 и 40).

¹⁷ Iv. Biliarsky, Hierarchia. L'Ordre sacré. Etude sur l'esprit romain, Fribourg/Suisse, 1997, p. 11 suiv.

¹⁸ J. Marquart, Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, Leipzig, 1898; J. Mikkola, „Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren“, Journal de la Societé Finno-Ougrienne, t. 30, Helsingfors, 1914; O. Pritsak, Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren, Wiesbaden, 1955, S. 19 sq.; M. Москов. Именник на българските ханове (Ново тълкуване), София, 1988; Дж. Бъри, «Хронологичния цикъл на българите», — Минало, 1910, N. 4, с. 383–399; Е. Георгиев,

только на некоторых собственных наблюдениях, связанных с пониманием времени и истории протоболгар. Речь идет о двенадцатилетнем цикле,¹⁹ в котором каждый год носит имя определенного животного. Годы в нем делятся на месяцы, обозначенные порядковыми числительными. Таким образом, дата определяется указанием имени животного-эпонима года и очередности месяца. Наблюдения, относящиеся к системе хронологии, дают возможность сделать определенные заключения относительно самого понимания времени у протоболгар. Это повторяющиеся циклы мифологического сознания, которые в первую очередь посредством своих астрологических особенностей²⁰ задают ритм ритуалам, верованиям и всей жизни протоболгарского общества.

Понятие времени у протоболгар дает ключ к пониманию их мировоззрения и концепции универсума, в котором они живут. Это понятие можно было бы назвать языческим, т. е. определяющимся их языческой верой, в которой, как и у всех тюркских народов, существует уранический бог, господствующий над миром и людьми. В связи с задачей данного исследования интересны прежде всего представления об истории, т.е. обо всем, что происходило или происходит в «универсуме», сохраняя его таким, каков он есть. Как представляется, обнаружить конкретное проявление циклического понимания времени в представлениях протоболгар об истории можно и в тексте «Именника болгарских князей (ханов)», который, собственно, является также и единственной летописью, сохранившей данные о протоболгарском календаре. Задача состоит прежде всего в том, чтобы найти сведения о существовании в историческом (условно говоря) мышлении протоболгар представления об обособлении больших циклов, после которых все возрождается и обретает новое начало. Речь идет о так называемых «эрах», представления о которых присущи, в первую очередь, мифологическому сознанию, и которые тесно связаны с идеей непрерывного преодоления хаоса и повторения предвечного события, с которого начинается мир.²¹

Начну с «начала истории», которое, судя по «Именнику», является сугубо мифологическим. В этой связи стоит обратить внимание на двух первых упомянутых в списке владетелей, а именно, на Авитохола и Ирника из рода Дуло.²² Первый из них, согласно «Именнику», жил триста лет, и его

«Прабългарското летописание» — Изследвания в чест на М. Дринов, София, 1960, с. 369–380; *Й. Микола*, «Тюркско-болгарское летоисчисление», Известия Отдела русского языка и словесности Академии наук, 18, 1913, N. 1, с. 243–247; *К. Иречек*, «Й. Микола, Тюркско-болгарское летоисчисление. Рецензия», Минало, 1914, N. 2, с. 81–88; *Я. Тодоров*, «Источноазиатския животински цикъл от гледище на астрологическите вярвания. (Към въпроса за Именника на българските ханове)», Годишник на Софийския Университет, Историко-филологичен факултет, 39, 1924–1943, N. 1; *Г. Фехер*, «Именникът на българските ханове — летоисчислението на прабългарите», Годишник на Народния музей, 1922–1925, N. 7, с. 237–313.

¹⁹ Не совсем ясно, объединялись ли они в большие циклы, например, в шестидесятилетние.

²⁰ *Москов*, Именник..., с. 77–79.

²¹ *М. Eliade*, Le mythe de l'éternel retour. Archétypes et répétition, Paris, 1949, p. 11–12, 63–65, etc.

²² *Москов*, Именник..., с. 19–20.

царствование началось в году 'диллом твирем', т. е. в девятый месяц года змеи. Ирник же, который, по-видимому, был его наследником, жил сто пятьдесят лет, а год его воцарения также был 'диллом твирем'. Оба правителя происходили из рода Дуло и, очевидно, являлись отцом и сыном, хотя этот факт в тексте особо не упомянут. Следующие владетели в списке представлены гораздо реалистичнее (при всей условности в данном случае этого определения), причем годы их жизни значительно сокращаются, а начиная с правителя по имени Гостун (третий в списке) из рода Ерми власть рода Дуло перерывается.²³

Итак, кем были Авитохол и Ирник? В исторической науке царит почти полное единодушие в отношении отождествления этих лиц с гуннским вождем Аттилой и его сыном Ернахом.²⁴ Следовало бы, впрочем, уточнить, что речь идет об их мифологизированных образах.²⁵ Но в данном случае более важным представляется то, что эти два правителя оказываются в роли творца-родоначальника (основателя рода), который, как мы уже сказали, циклически появляется из своего предвечного сакрального времени, чтобы внести порядок в хаос и дать новое начало миру. Что дает основание для такого утверждения? В первую очередь, надо обратить внимание на то, что продолжительность жизни обоих невероятна в сравнении с продолжительностью жизни обыкновенных людей. Важное значение имеет и то, что продолжительность жизни этих государей совпадает с годами их царствования, что можно рассчитать путем деления лет их правления на число лет в цикле.²⁶ Это еще более мифологизирует их личности и представляет »рожденными царями«: один из интересных вариантов представлений о »родоначальнике-творце«.

Хотелось бы особо обратить внимание на дату прихода к власти Авитохола и Ирника. Понятно, что речь идет об одной и той же дате: 'диллом твирем'. Годы жизни и царствования Авитохола — 300 лет, — кратны двенадцати, что позволяет путем простого деления вновь получить тот же год, 'диллом', входящий в двенадцатилетний цикл. Однако вряд ли с той же

²³ *Москов*, *Именник...*, с. 20.

²⁴ *J. Marquart*, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, S. 72–78; *А. Бурмов*, »Въпроси из историята на прабългарите«, *Годишник на Софийския университет, Историко-филологически факултет*, 1948, 2, с. 6; *Москов*, *Именник...*, с. 144–175. Contra: *J. Mikkola*, „Die Chronologie der türkischen Donauebulgaren“, SS.23–24; *B. von Arnim*, „Wer war Авитохол? (Zur Fürstenliste)“, *Сборник в честь на проф. Л. Милетичъ, София*, 1933, р. 573–577; *Pritsak*, *Fürsteinliste...*, р. 35–37.

²⁵ Ряд авторов, однако, не соглашаются понимать эти образы как полностью мифологические, стремясь найти в них реальную историческую основу. Подобной основой могло быть только сохранившееся предание о сосуществовании протоболгар с западными гуннами — см. *Каймакова*, »Именник«, с.18 сл.

²⁶ В тексте ясно сказано, что »Авитохол жил 300 лет«, и все исследователи считают 'диллом твирем' годом его воцарения (ведь так происходит со всеми остальными правителями списка). Поскольку Ирник начинает свое царствование в год 'диллом', то следует, чтобы годы царствования Авитохола были кратными 12-ти и в данном случае это именно так, поскольку 300 является кратным 12-ти. Таким образом, оказывается, что ровно через 25 двенадцатилетних циклов наступает вновь год 'диллом', когда наследник Авитохола занимает престол. Из этого можно заключить, либо что годы жизни и царствования двух правителей совпадают, либо речь идет о двойном совпадении, при котором 'диллом' является началом другого числа (меньше 300), тоже кратного 12-ти.

легкостью можно объяснить указание на приход к власти Ирника также и в тот же самый месяц: 'твирем'.²⁷ Совпадение и года, и месяца не может быть случайным, тем более, что в рамках циклического времени, в сущности, речь идет не о совпадении, а о той же самой дате. Напрашивается вывод, что Авитохол и Ирник воцарились-родились в одно и то же время, несмотря на то, что в тексте прямо указано, что правление Авитохола длилось 300 лет, и что Ирник воцарился после него. Едва ли возможно получить более убедительное доказательство мифологического представления о времени у протоболгар!

Понятно, что мифические цари-родоначальники представлены здесь в своем мифически-священном и предвечном времени, которое, в сущности, не течет. Судя по календарю, датировка «дилом твирем» только доказывает его прорыв в профанное время земных людей. Предвечные родоначальники, которые здесь названы именами Аттилы и его сына, снова появляются для того, чтобы дать начало ряду ханов. Так начинается очередной цикл, очередная эра, которая снова вносит порядок в хаос земной жизни.

Чтобы раскрыть смысл второго цикла или эры, следует обратить внимание на то, каким образом само родословие владетелей представлено в тексте. Прежде всего следует подчеркнуть то, что для родовой памяти центральноазиатских народов познание и изучение родословия всегда имело особое значение.²⁸ Данные «Именника» и имеющиеся в распоряжении ученых надписи дают основание считать, что исключения не составили и протоболгары. Здесь не место подробно останавливаться на этом вопросе, но нельзя не обратить внимание на особое значение рода Дуло.²⁹ Очевидно к нему принадлежали как владетели Старой Великой Болгарии, так и первые владетели Дунайской Болгарии. Принадлежащими к роду Дуло считаются, впрочем, и мифические родоначальники Авитохол и Ирник. Разумеется, вряд ли можно предполагать существование какого-то родословия, восходящего ко временам Аттилы. Представляется, что в этом случае составитель текста намеревался не просто подчеркнуть родство мифического родоначальника с первым владетелем, приведшим протоболгар в Мизию. Его цель состояла не только в том, чтобы возвысить род хана, но и в том, чтобы обозначить начало нового цикла истории, который начинается именно с хана Аспаруха и установления власти болгар к югу от Дуная.

Согласно мнению большинства исследователей, «Именник» составлен из двух частей, одна из которых написана при хане Аспарухе, а другая — целиком

²⁷ Разумеется, можно предположить и другой вариант, в котором порядковые числительные не являются наименованиями месяцев, а какой-то дополнительной классификацией лет, включающей циклы, превышающие двенадцатилетние, как это было, например, в Китае. Более подробное изучение календаря, однако, выходит за рамки настоящего исследования.

²⁸ *Рашид-ад-Дин*, Сборник летописей, Москва-Ленинград, 1952, т. I, с. 153; *Гумилев*, Древние тюрки, Москва, 1993, с. 21.

²⁹ *Liu Mau-tsai*, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), Buch I, Wiesbaden, 1958, S. 170, 221, 258, 605, 656 (cite: "To-lu"); *Pritsak*, Fürstenliste..., S.61 sq.; *Каймакова*, «Именник», с. 20 сл.

или посредством внесения дополнений, — во второй половине VIII-ого века.³⁰ Несомненно то, что после Безмера (он стоит пятым по очередности в списке болгарских князей) подводится определенный итог и в отношении правивших владетелей, и в отношении лет их правления. Следует обратить внимание на одну весьма любопытную отсылку к современности: *»тожде и доселе«*. После этого начинается новый цикл, причем вновь с рода Дуло, к которому принадлежал и хан Аспарух. Согласно тексту, он царствовал продолжительнее всех, кроме мифических Авитохоло и Ирника. Даже не принимая во внимание исторические данные, содержащиеся в последующем перечислении болгарских правителей, есть все основания предполагать, что начало правления этого хана и приход болгар в Мизию автор *»Именника«* считает и началом новой эры, нового цикла, воспринимаемого именно в рамках мифологического представления о времени.

Предложенные выше наблюдения, как и данные других источников, которые не являются предметом настоящего исследования, дают возможность обозначить некоторые черты бытовавших в языческом болгарском обществе представлений о времени и истории. Как уже упоминалось выше, эти представления ограничены рамками этноса и подчинены мифологическому или космологическому сознанию язычника. История в них замкнута в рамках одного племени, где родоначальник представлен в образе вечно возвращающегося культурного героя, победителя хаоса и творца мира. Именно таковы первые правители болгарского государства и этноса: как и у других тюркских народов, их корни надо искать у западных гуннов и их вождя Аттилы. Первые цари-основатели появляются *ex nihilo*;³¹ они рождаются чудесным образом³² и царствуют на протяжении столетий,³³ чтобы выполнить свою миссию. Именно так они, как и некоторые из их наследников, реализуют то вечное возвращение, которое дало в Предвечности начало мира и которое поддерживает его гармонию. Таким образом начало народа сливается с началом мира в то священное время, которое было прежде всех времен и повторяется циклически, чтобы воссоздавать вновь каждое новое начало.

³⁰ *Mikkola*, „Die Chronologie der türkischen Donaublicularen“, p. 10; *Pritsak*, Fürstenliste..., p. 13–14,35 sq., 47.; *Москов*, Именник..., с. 38 suiv.; *Каймакамова*, *»Именник«*, с. 29.

³¹ См., в связи с этим, также легендарное представление *»о брошенном ребенке«*, которое приведено Болгарской апокрифической летописью в повествовании о царе Испоре. — *В. Тъпкова-Заимова, А. Милтенова*, Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България, София, 1996, с. 196; *Ив. Венедиков*, Медното гумно на прабългарите, София, 1983, с. 47–62; *Ив. Билярски*, „La fondation de villes et l'organisation de l'Univers (selon les inscriptions protobulgares et la littérature eschatologique)“, *Initia Urbis, Da Roma alla Terza Roma*, 1997 (в печати).

³² Как это было в случае с *»сыновьями вдовы«*, а также и в уже упомянутом повествовании о *»подброшенном ребенке«* — *В. Тъпкова-Заимова, А. Милтенова*, Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България, София, с. 196–197.

³³ Так, не только в *»Именнике«*, но и в Болгарской апокрифической летописи царь Испор царствует 172 года, царь Изот — сто лет и три месяца и т. д. См.: *В. Тъпкова-Заимова, А. Милтенова*, Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България, София, с. 196.

* * *

Одновременно с этим хотелось бы указать и на одно интересное наблюдение, которое можно сделать на основе текста «Именника», являющегося не только важнейшим свидетельством мифологического темпорального мышления протоболгар, но и как бы тем мостом, который позволяет проследить переход к созиданию новой имперско-христианской идентичности и к восприятию еврейско-христианской концепции времени и истории. Речь идет о том, каким именно путем и в какой рукописной традиции текст этого памятника дошел до наших дней. Издавший этот текст в прошлом веке русский ученый А. Н. Попов обнаружил его в составе «Эллинского и римского летописца».³⁴ Сам издатель высказывает мнение, что при составлении этого русского хронографа, вероятно, использовались и болгарские летописи.³⁵ Для настоящего исследования интересен тот факт, что этот наиболее яркий памятник государственной идеологии языческой Болгарии был включен в качестве составной части в христианскую летопись, которая сама по себе является синтетическим выражением христианского понимания времени и истории. Таким образом, языческий мифологический текст, сообщающий о священных событиях, совершившихся в священной предвечности родоначальников и культурных героев, стал составной частью христианской священной истории, истории Спасения.

Интересно и то, где именно находится упомянутый текст. Как уже было сказано выше, сам «Эллинский и римский летописец» состоит из частей разного происхождения. Это прежде всего библейские тексты, а также части хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. «Именник» находится во второй части Летописца, где он помещен непосредственно после библейской IV Книги царств и даже считается некоторыми авторами как бы ее продолжением.³⁶ Как уже упоминалось, существует и весьма интересное утверждение, что интересующий нас текст появился в составе Летописца (но, разумеется, не в канонических библейских книгах) еще во времена царя Симеона I, в начале X века.³⁷ Во всяком случае кажется ясным, что на Руси текст «Именника» появился именно как книжный, а не как эпиграфический памятник. Итак, можно констатировать, что текст «Именника» был включен в летопись в качестве части IV Книги царств или непосредственно после нее.

Следует отметить, что предположение о том, что «Именник болгарских князей» в составе «Эллинского летописца» являлся частью библейской IV Книги царств был выдвинут еще Б. фон Арнимом. Цель его исследования, однако, была совершенно отличной от моей: суть ее состояла в попытке

³⁴ А. Н. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакции, Москва, 1866, с. 25–27; М. Н. Тихомиров, «Именник болгарских князей», Вестник древней истории, 3, 1946, с. 81–90; Каймакамова, «Именник», с. 7–8; Von Arnim, “Wer war Авитохоль?”, S. 573 sq.; Pritsak, Fürstenliste..., S. 12 sq.

³⁵ А. Н. Поповъ, Обзоръ хронографовъ русской редакции, с. 58–66.

³⁶ B. von Arnim, Wer war Авитохоль?, S. 574; Москов, Именник..., с. 18.

³⁷ B. von Arnim, Wer war Авитохоль?, S. 575; Pritsak, Fürstenliste..., S. 13–14.

отождествить упомянутого на первом месте в списке болгарских правителей Авитохола с реальным историческим лицом.³⁸ Представляется, однако, что значение определения места «Именника» в тексте Летописца гораздо важнее, потому что оно дает возможность проследить механизмы смены мировоззрения болгарского общества, осуществленного после Крещения. В данном случае имеется в виду изменение трех существенных концептуальных элементов этого мировоззрения: представлений об истории и связанного с ним представления о времени, а также понятия народа и государства.

Включением князей (ханов) в ряд царей Израиля и Иудеи болгарская священная история приобщается к библейскому тексту, что является частью процесса присоединения болгар к общей иудео-христианской истории. История степного народа, кочевого тюркского племени, связывается с историей Завета и Спасения, которая является также и священной историей народа Израилева и, после воплощения Слова, всего Человечества. Таким образом, протоболгары покидают мир своей мифологии, своих богов, культурных героев и предков, циклически появляющихся с целью установить порядок в профанном мире. Они уже становятся составной частью причинно-следственной цепи, которая началась с Сотворения, прошла через ветхо- и новозаветные события, через Воплощение и Распятие, чтобы закончить Вторым Пришествием и Страшным судом. Здесь хотелось бы вновь подчеркнуть, что таким образом болгары не только обретают новые представления об истории и времени, но и приходят к новой самоидентификации в качестве христианского народа. Включение болгарских ханов в ряд библейских царей Израиля и Иудеи, в сущности, означало то, что неопиты-болгары также становились избранным Божиим народом, являясь *Новым Израилем* и — что особенно важно — народом Священного Царства, каким были римляне или ромеи, тем народом, которым, по сути, являлись все истинные православные христиане.³⁹

* * *

Итак, обобщая сделанные в ходе исследования наблюдения, хотелось бы указать на следующие важные заключения. В языческий период до Крещения болгарское общество и болгарское государство живет в своем собственном языческом мире, в своей собственной истории и времени. Понимание в этом обществе истории и времени характеризуется не только представлениями о циклической смене лет, но и о больших циклах, эрах, приход каждой из

³⁸ *B. von Arnim*, *Weg war Авитохоль?*, S. 573–575.

³⁹ По окончании работы над основной части настоящего исследования я получил возможность познакомиться с последней книгой *Б. А. Успенского* (Борис и Глеб: Восприятие истории в древней Руси, Москва, 2000, 124 с.), которая стала доступна мне благодаря любезности автора. В этой книге он пришел к сходным заключениям, основанным на гораздо более обширном и богатом материале, относящемся к вопросу о восприятии истории и формировании идентичности в христианской Руси. Это является еще одним доказательством сходства этих процессов у православных народов.

которых всегда является новым началом — началом, повторяющим, по существу, гармонизацию мира мифическими родоначальниками или культурными героями, победителями хаоса. Это история создала и поддерживала племенное самоосознание протоболгар, представляла им их собственное прошлое, и, в каком-то смысле, вносила порядок в их настоящее, давая представление и о будущем. Речь идет об обществе замкнутом и всматривающемся в себя, горизонт представлений которого определяется далекими, но все-таки обозримыми горизонтами евразийской степи. Основным источником сведений об этой эпохе, о ее духовности и о ее концепциях времени и истории является »Именник болгарских князей (ханов)«.

Крещение болгарского народа, осуществленное в середине IX века, и превращение христианства в государственную религию приносят с собой новое понимание мира, времени и истории. Пределы племенной ограниченности оказываются разбиты не только в пространстве — поскольку Бог создал весь видимый мир и придал смысл его существованию, — но и во времени. Оно уже не ограничено циклическим преодолением хаоса профанного мира при помощи повторения священного предвечного текста, а представляет собой непрерывную линию неповторимых событий, начатую в момент сломившего вечность Сотворения, которая должна завершиться вновь в этой вечности после Второго пришествия Спасителя. Таким образом, история народа вписывается в этот непрерывный ряд событий, ведущих к ее истинному смыслу — Спасению. Так, при помощи этой новой истории ломается и старая племенная идентичность с тем, чтобы достигнуть нового самосознания народа Спасения, Избранного народа Божьего, Нового Израиля. В качестве одного из мостов, позволяющих перейти к этой новой идентичности и к новому пониманию времени, вновь используется »Именник«, через который болгарские владетели языческой эпохи присоединяются к ряду библейских царей Израилевых, символически включая болгар в историю Спасения.

Иван Бильарски

ОД МИТА КА ИСТОРИЈИ ИЛИ ОД СТЕПЕ КА ИЗРАИЉУ

Истраживање је посвећено концепцији времена и историје у бугарском средњовековном друштву. Две велике епохе у историјском развоју оновремене Бугарске — паганска и хришћанска — непосредно утичу на образовање идентитета средњовековног човека, који је, са своје стране, тесно повезан са поимањем времена, историје и смисла историје. Основни задатак истраживања је представљање механизма мењања концепције времена, карактеристичног за паган-

ско бугарско друштво, у хришћанско схватање историје. При томе, ослонац истраживања углавном почива на анализи најзначајнијег текста који је остао из паганске Бугарске — Именика бугарских кнежева (ханова). Текст је дошао до нашег времена преко познијих руских спискова владара, који се налазе у саставу тзв. *Хеленског* и *Римског летописа*. У тој рукописној традицији овај текст долази непосредно после *Четврте књиге Царства* и практично представља њен наставак. На тај начин новопокрштени Бугари прикључују се библијској историји човечанства, која почиње *Стварањем*, пролази кроз *Првородни грех* и историју изабраног народа Божјег — *Израиља*, затим кроз *Оваилођење* и *Страдања Хришћова* и завршава се *Другим доласком* и *Страшним судом*. То је историја света чији је смисао *Спасење* и коју степско племе Бугара улази прикључивањем својих кнежева низу краљева Израиља и Јудеје.